

САТИРА КАК ПРЕДМЕТ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭСТЕТИКИ

У статті розглянуто зміст поняття сатири у теоретико-літературному аспекті. Запропоновано трактовку класичного визначення сатири, яке дав Ф. Шіллер, з урахуванням історико-літературних фактів. Сатиру розкрито як естетичну активність спротиву соціальності як такій, безвідносно до її оцінки з точки зору соціального поступу.

Ключові слова: сатира; соціальність; комічне; осміяння; ідеал.

Сатира – одно из самых неоднозначных понятий современной теории литературы. При интуитивной ясности его содержания даже для неискушенного человека, дефинитивная точность не дается тем эстетикам, которые стремятся к отчетливому отграничению представлений о сатирическом от родственных понятий, прежде всего – от юмора. Классическим определением сатиры считается определение, предложенное Ф. Шиллером в его трактате о “Наивной и сентиментальной поэзии”: “У сатирі дійсність як недосконале протиставиться ідеалові як найвищій реальності. Тут, зрештою, зовсім не вимагається, щоб останній був виражений словами, якщо поет уміє збуджувати його в нашій душі; а він, безумовно, мусить це вміти, інакше не зможе впливати на нас поетично. Такім чином, дійсність виступає тут як необхідний об’єкт антипатії; однак усе тут зводиться до того, щоб сама антипатія неодмінно поставала з ідеалу, що суперечить дійсності” [6, 277].

В определении Шиллера очень важны теоретические нюансы. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что действительность, по Шиллеру, должна быть *необходимым* объектом антипатии, иначе “сатира” может оказаться просто сведением личных счетов с жизнью. Представляется, что ключевой вопрос, ответа на который следует искать в теоретических анализах сатирического, это вопрос именно о том, в какой перспективе действительность с *необходимостью* предстает объектом антипатии. Мы попытаемся увидеть отражение этого вопроса в энциклопедических (литературоведческих) определениях сатиры, принадлежащих перу серьезных исследователей.

“Сатира – в несколько неопределенном и расплывчатом смысле сатирую называется всякое литературное произведение, в котором выражено некоторое определенное отношение к явлениям жизни, а именно – осуждение и осмеяние их, выставление их на общий смех, позор и негодование.... В противоположность юмору, особому настроению, при котором смех автора все время смягчен явным или затаенным сочувствием автора к осмеиваемому лицу или явлению, смех сатиры более рассудочен.

Этою последнею чертою, обращением к общественности, сатира обнаруживает свою всегда публицистическую сущность. Она есть поэтическое обличение действительности во имя более или менее определенного общественного идеала” [5, стб. 754].

“Сатира – вид комического, отличающийся от других видов (юмора, иронии) резкостью обличения. Сатира при своем зарождении являлась определенным лирическим жанром. Она представляла собой стихотворение, часто значительное по объему, содержание которого заключало в себе насмешку над определенными лицами или событиями” [4, стб. 856].

В заключение это приведем широко известное определение М. М. Бахтина, крупнейшего специалиста по исторической поэтике, данное им в единственной энциклопедической статье, принадлежащей его перу: “Дадим прежде всего определение сатиры – не как жанра, а как особого отношения творящего к изображаемой им действительности. Сатира есть образное отрицание современной действительности в различных ее моментах, необходимо включающее в себя – в той или иной форме и с той или иной степенью конкретности и ясности и положительный момент утверждения лучшей действительности (“идеала как высшей реальности”, по определению Шиллера). Образный характер отрицания отличает сатиру, как художественное явление, от различных форм публицистики. Образное отрицание может принимать в сатире две формы” [1, с. 35].

Как видим, ни одно из приведенных определений не содержит ответа на вопрос, весьма отчетливо присутствующий в тексте Шиллера. Сатира повсеместно определяется как специфическое отношение к действительности, по всей видимости, такое отношение, которое можно в первом приближении описать как состояние неудовлетворенности этой действительностью. При этом следует помнить, что мы должны, намереваясь определить характер этой неудовлетворенности, избежать соблазна свести эту неудовлетворенность к сугубо личному недовольству обстоятельствами личного существования. Представляется самоочевидным, что

недовольство действительностью предполагает представление о другой, лучшей действительности – говоря словами Шиллера: об идеале. Условием корректности в обращении с понятием об идеале является отрицание возможности его осуществления (воплощения) в реальной жизни. В то же время, опять-таки, по словам Шиллера, переживание идеала должно иметь чувственный, а не отвлеченно-абстрактный характер. Следовательно, мы должны искать ситуации, приводящие к актуализации сатирического пафоса, все-таки, в пределах реальной действительности и, отталкиваясь от них, составить точное представление о природе идеала, на фоне которого текущая действительность возбуждает в соответствующем образом настроенном созерцателе сатирическое негодование. В выявлении и характеристике таких ситуаций нам поможет сжатый исторический очерк развития сатиры как череды конкретно-исторических реализаций сатирического пафоса.

Почти все обзоры истории сатирических жанров начинают с Древнего Рима, с имен Горация и Ювенала. Живописную характеристику этого начального периода сатиры как жанра дал в своей “Эстетике” Гегель. Оно интересно для нас не только теоретической стороной, но и исторической конкретикой: “Сатира (....) представляет своеобразное достояние римлян. Дух римского мира – это господство абстракции, мертвенного закона, разрушение красоты и веселых нравов, вытеснение семьи как непосредственной природной нравственности и, вообще, принесение в жертву индивидуальности, которая отдается государству и находит свое хладнокровное достоинство и рассудочное удовлетворение в послушании абстрактному закону” [2, 84-85].

Гегель видит истоки сатиры, в частности, в “вытеснении семьи”, осуществляемом государством. Иными словами, уже в зачатке своего существования сатира, как и любое другое живое явление, возникает как эффект некоего столкновения, противоречия. В данной интерпретации, это столкновение=противоречие сводит две формы социального устройства: семью и государство. Следует подчеркнуть, во-первых, явно не антагонистический характер этого противоречия и, во-вторых, безотносительность этого конфликта к конкретной исторической ситуации: семья и государство в различных формах сопутствуют развитию человеческого общества с давних времен до сего времени. В характеристике Гегеля для нас первостепенный интерес получает указание на давление, претерпеваемое индивидом со стороны государства, но индивидом не как таковым, а – членом семьи, членом сообщества, существование которого подвергается угрозе со стороны другого сообщества. Государство угрожает, конечно, не фактическому существованию семьи, оно ставит под сомнение автономность семейных ценностей, устремлено к подчинению этих ценностей ценностям государства. В такой ситуации и рождается сатира, как реакция самозащиты определенных социальных ценностей от агрессии других.

Следующий важный этап, отмечаемый историками сатиры: Средневековье. Формы внешнего давления на индивидуальность принимали в Средние века существенно иные формы: с уверенностью можно сказать, что о государстве как выхолащивающем семейную “природную нравственность” в данном случае речь идти не могла. Сатирический акцент смещается здесь в иную плоскость: “Взаимоосмеяние *сословий* (курсив наш – Э. А.) играет громадную роль в средневековом сатирическом творчестве. Сатирические образы попа, монаха, рыцаря, крестьянина несколько схематизованы: за сословными чертами нет индивидуального характерного лица (по-настоящему оживают эти образы только в сатире эпохи Возрождения)” [1, 28].

Это замечание Бахтина имеет важное методологическое значение. Поскольку для нас важно проследить нечто общее в тех конфликтах и противоречиях, которыми “питалась” сатира, то обратим внимание, что в средневековых взаимоосмеяниях сословий *сохраняется* конфликт социальных форм: сообществ, учреждающихся на различных основаниях – монахов, рыцарей, сапожников и т. п. Принципиальным для нас при этом является тот факт, что данные сообщества, равно как семья и государство, не могут быть соотнесены в рамках той или иной иерархии, опирающейся на *объективный* ценностный критерий. Иными словами, у сапожников нет никаких объективных оснований считать себя привилегированным сословием по отношению, например, к хлебопекам или солдатам. Говоря об отсутствии объективного критерия различения сословий по признаку привилегированности, мы имеем в виду именно *объективный* критерий. Известно, что на любом этапе исторического развития общество структурируется, формируя различные типы иерархий. Однако, привилегии, которые всегда узурпируют те или иные социальные общности, никогда не основаны на внешнем, общепризнанном и безусловно авторитетном критерии: именно это обстоятельство служит залогом социальной динамики. Любое сословие – в широком смысле этого слова – может претендовать на привилегии с тем же основанием, что и любое другое.

Наше обобщение, таким образом, связано с наблюдениями, согласно которым собственно сатирический конфликт развивается при условии сосуществования в пределах страны, государства и т.п. различных форм социальной общности. Важнейшим уточнением является то, что нет объективных критериев, на основании которых одна общность могла бы претендовать на

привилегированное положение по отношению к другой. Можно надеяться, что мы приближаемся к природе сатирического “негодования” – на примере межсословного осмеяния видна, собственно говоря, *беспричинность* сатирического осмеяния другого, чем “твое”, сообщества: “Сатира в своей истинной форме есть чистейшая лирика – лирика негодования; ... Прежняя теория, отдававшая так много внимания мелочному разграничению и сближению литературных форм, сопоставляла сатиру с эпиграммой: и там, и здесь мы встречаемся с насмешкой над людскими слабостями. Но эпиграмма имеет в виду отдельную определенную личность, что в высшей степени чуждо высокому настроению сатирика; он проходит мимо всего исключительного, индивидуального; лишь порок и целого строя, целого общества рождают в нем творческое вдохновение” [3, с. 461].

В этом определении видного русского литературоведа для нас примечательна концентрация внимания на том, что предметом сатиры, по мнению ученого, является “целый строй”. Известная неточность этого тезиса очевидна – средневековая межсословная сатира не могла, по понятным причинам, критиковать “строй” – однако, в целом, указание А. Горнфельда весьма ценно. В самом деле, сатира возникает только при условии более или менее развитого представления об интересах *сообщества*. Одной из главных причин снижения интенсивности сатирического пафоса, как можно судить, исходя из избранной нами перспективы понимания сатиры, явилось постепенное социальное нивелирование всех членов общества, более или менее успешное – в зависимости от конкретных исторических обстоятельств – упразднение надуманных иерархий и, соответственно, привилегий. Иными словами, размывалась заданная внешними условиями цеховая – в широком смысле слова – разобщенность. Чрезвычайно точным в этом контексте нам представляется утверждение Мэтью Ходгарта: “I would suggest that true satire demands a high degree both of commitment to and involvement with the painful problems of the world, and simultaneously a high degree of abstraction from the world” [7, 11]. “Абстракция от мира” – действительно, совершенно необходимое условие чистой сатирической эмоции.

Подводя итоги, вернемся к одному из определений сатиры, данному С. Нельсом: “Специфика сатиры не в том, что она вскрывает отрицательные, вредные или позорные явления, но в том, что она всегда осуществляет это средствами особого комического закона, где негодование составляет единство с комическим изобличением, изобличаемое показывается как нормальное, чтобы затем обнаружить через смешное, что это *норма – только видимость, заслоняющая зло* (курсив наш – Э.А.). [4, 857].

С. Нельс вводит представление, согласно которому главное назначение сатиры – не изобличать социальные пороки, а изобличать мнимость *нормы*, в которой и состоит сущность социального зла. Наша позиция ориентируется именно на эту точку зрения. В ее развитии мы видим перспективу ответа на вопрос, подспудно присутствующий в трактате Шиллера: как следует корректно мыслить *необходимую* антипатию к действительности?

Представление о чистой недолжности любой социальности может дать ответ на этот вопрос.

Многообразные коллизии, которые сопутствовали истории сатиры и которые можно обнаружить в сатирических произведениях, в конечном итоге, сводятся к коренному, фундаментальному противостоянию в человеке природного (естественного, врожденного) и социального (абстрактного, продукта общественного договора). По мере исторического прогресса, по мере становления цивилизации как совокупности материально-технических и духовных достижений *человечества* в ходе этого процесса, все четче проясняется граница между природными инстинктами и внешними императивами поведения члена общества. Несоответствие действительности идеалу не должно иметь вид внешнего сравнения, в котором участвовала бы, с одной стороны неприглядная действительность, а, с другой – умозрительная картина идеального социального устройства. Действенность идеала можно “засечь” там и тогда, где и когда нарушается баланс между природным и социальным в человеке. Безусловно, не приходится говорить о том, что большую часть времени (истории) такой баланс находится в должном равновесии. Очевидно, что нет, движение истории и обусловлено этим дисбалансом. Однако есть периоды, когда дисгармония социума и природы ощущается особенно остро – это время сатиры. Думается, что можно, даже не прибегая к конкретным примерам, ввиду простоты ситуации, представить два состояния общества, когда дисбаланс между социальным и природным обнаруживается со всей очевидностью. Причем, в каждом из вариантов “верх берет” одна из сторон. Это, во-первых, ситуация резкой перемены общественного строя, когда жесткой критике с позиций “естественного разума” подвергается отживший порядок. В данном случае следует, видимо, говорить о преобладании природного, стихийного над отрицаемым формальным порядком отжившей государственности: в такой ситуации особенно остро переживается избыточность многих социальных надстроек. С нашей точки зрения, сатира представляет собой реакцию “целого человека” именно на такую активность социального начала. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет не об искаженной, “порочной” и т. д. социальности. Учреждение новых и развитие, совершенствование традиционных форм внутрисоциумного взаимодействия –

естественное стремление социального организма. Дело только в том, что в этом стремлении социальное не видит меры, полагая идеалом полное вытеснение природного, стихийного начала из среды человеческого обитания. Сатирический пафос возникает, повторим, как реакция на интуитивно чувствуемую человеком недолжность тотальной социальности при том, что человек не может противопоставить этой недолжности положительного “образца”: любая утопия представляет собой именно проект идеального социума – а это в корне противоречит самому духу сатиры. Чрезвычайно важно помнить при анализе коллизии социального и природного о том, что исконная социальность человека, невозможность для индивида жить вне общества, приводит к формированию ряда запретов на “естественные” проявления животной природы человека. Социальное, по всеобщему согласию, обладает приоритетом. Постольку проявления природных инстинктов, а также неконтролируемых, социально бессмысленных человеческих порывов осуждаются обществом. С нашей точки зрения, сатира и юмор как раз и призваны, условно говоря, корректировать поддерживаемую социальными институтами иерархию социального и природного.

Исходя из вышеизложенного, мы формулируем определение сатиры следующим образом: сатира – эстетическое *обобщение негативного опыта социализации* как тенденции исчерпания личностного потенциала человека той или иной социальной *функцией*. Ближайшим предметом сатиры является тот или иной тип социальной общности. Исторически возрождение сатирического пафоса обусловлено как периодами стабилизации внешних форм государственного принуждения по отношению к личности, так и периодами резкой смены общественного строя – в такие периоды сатира обрушивается, как правило, на уходящий порядок.

Представляется целесообразным дальнейшие теоретические исследования сатиры ориентировать именно в таком, ценностно нейтральном направлении. Такой подход должен способствовать деидеологизации научного инструментария, что особенно актуально для развития литературоведения на постсоветском пространстве.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Сатира / Бахтин М. М. – М. : Русские словари, 1997. – Сочинения : в 7 т. / М. Бахтин ; Т. 5. – С. 11-39.
2. Гегель Г.-В.-Ф. Лекции по эстетике. Книга вторая. / Гегель Г.-В.-Ф. – М. : Соцэкгиз, 1940. – Сочинения в 14 т. / Гегель Г.-В.-Ф.; [пер. с нем. Б. Г. Столпнера] – Т. 13. – 363 с.
3. Горнфельд А. Сатира / Горнфельд А. // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И.А. Ефрона в 86 тт. – Т. 28-а. – СПб. : Типография акц. общ. “Издательское дело”, 1900. – С. 460 – 463.
4. Нельс С. Сатира / Нельс С. // Литературная энциклопедия: В 11 т. – Т. 10. – М. : Сов. энциклопедия, 1937. – стб. 856857.
5. Чехихин-Вертинский В. Сатира / Чехихин-Вертинский В. // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского (гл. ред. [и др.]) – Т. 2. – М.; Л. : Изд. Л. Д. Френкель – 1925. – стб. 754.
6. Шіллер Ф. Естетика. – Київ : Мистецтво, 1974. – 360 с.
7. Hodgart M., Konnery B. Satire: origins and principles. / Hodgart M., Konnery B. – New Jersey : University of New Jersey, 2009. – 255 p.

Summary. The article considers the concept of satire from a literary-theoretical perspective. The author examines a classical view on satire offered by F. Shiller and supports this view with examples from literary history. Ultimately, satire is defined as an aesthetic activity, the essence of which consists in a resistance to all forms of socialization regardless of these forms' significance for socio-historical progress

Key words: satire; socialization; comic; derision; ideal.